

ИМЯ ЗВЕРЯ

За два тысячелетия истории Церкви никакое другое место в Писании не обращало на себя так много пристального и по большей части праздного внимания, как упоминание апостолом Иоанном Богословом «числа зверя» в тринадцатой главе Откровения. Трудно сыскать воцерковлённого человека, который хоть раз не попытался бы самостоятельно обнаружить это число: посчитать фамилии-имена подозрительных государственных деятелей, религиозных лидеров или просто несимпатичных ему людей. Число ищут буквально повсюду: на документах, на квитанциях и даже на товарных чеках. Нашедшие делятся своими «откровениями», приобретая себе ревностных последователей и столь же ревностных обличителей, но никакие обличения не могут остановить этот процесс: на смену забытым версиям приходят новые, а забытые снова и снова извлекаются из-под спуда, дабы потрясти воображение аудитории «подлинными» древними пророчествами. Концовка тринадцатой главы Откровения привлекает своей таинственностью, обширностью поля поиска и возможностью утвердиться в собственной сообразительности. В этом нет ничего особо дурного. Как правило, неофит, пересчитавший всех, кого только можно пересчитать, быстро разочаровывается: нету пока антихриста, не пришел ещё, — и получает шанс подумать о чём-то другом, действительно важном.

Но времена текут, претенденты на роль антихриста сменяют друг друга, продолжая оставаться без надлежащего числа, а мир вокруг всё более звереет. И соблазн отыскать проклятые шестёрки возникает снова и снова...

Признаемся, что и нам не удалось избежать этого соблазна. Мы прекрасно осознаём, что наше желание *назвать зверя по имени* продиктовано всё тем же неофитским запалом, который подвига-

ет православную молодёжь (и не только молодёжь!) просматривать на свет денежные знаки и паспорта, пялиться на конфетные обёртки, пачки сигарет и коробки из-под мыла: не отыщутся ли где искомые «шестёрки», — и предупреждать своих знакомых, чтобы они ни в коем случае не покупали продуктов со штрихкодами на этикетках, так как несколько невзрачных полосочек на них могут обозначать не что иное, как печать антихриста.

Не являясь исключением, мы, тем не менее, предлагаем забыть про денежные знаки и штрихкоды, ибо там «числа зверя» точно нет, а если и есть в этих полосочках какие-то шестёрки, то, сосчитав их, мы больше восемнадцати всё равно не получим. Но есть и другая, более важная причина. Никакого числа там нет и не может быть прежде всего потому, что во всех этих соблазнительных символах нет *имени*. Озадачившись числом, многие словно позабыли, что искомое число всё же содержится в *имени*, а не в продукции табачной или кондитерской фабрики.

Автор знает, что оглашение *имени зверя* ничего, по существу, не изменит. Зверя не изловят и от него не спрячутся, ибо и то и другое невозможно. К тому же у нас есть все основания полагать, что после подобного оглашения многие останутся довольными. И причиной этого будет не исчезновение некой «тайны» и связанного с ней жизненного тонуса, а то, что открытие самоочевидного может быть воспринято многими как покушение на их излюбленное занятие — *высиживание зверя*... Да, автор полагает, что весьма многие *искатели зверя* в действительности довольно удобно сидят на нём и усердно его подкармливают... Многие, весьма многие *любят* зверя, *лелеют* его, *глядят* его и *кормят*, при этом не переставая учить окружающих, как правильно его распознавать. Делают они это, конечно, чаще всего не осознанно. Зверь не любит выдавать себя. К тому же в младенческом возрасте он ещё не обладает надлежащей силой внушения, и людям приходится брать на себя большую часть его «работы». Это довольно страшно, но ещё страшнее, что воспитанниками зверя зачастую оказываются люди верующие — и не только вечные неофиты, но и весьма даже зрелые и авторитетные. Это делает всех нас чрезвычайно уязвимыми перед грядущим выбором: не окажется ли так, что антихрист рано или поздно предложит нам начертание образа, имени или числа зверя для защиты от зверя *мнимого* и от

многого же антихриста? Почему мы так уверены в том, что угадаем антихриста с ходу и не примем его печать? И не отвлекает ли нас сатана уже сейчас, подсовывая штрихкоды и прочую ерунду, чтобы заставить бояться нестрашного? И неужели, перейдя на натуральное хозяйство и питание исключительно разносолами собственного изготовления, мы можем быть уверены в том, что останемся «незапечатанными»?

Итак, автор этого исследования берётся огласить *имя зверя*. При этом он не собирается произносить ничего нового, так как это имя на слуху у человечества уже несколько тысячелетий. Собственно, и оглашения никакого в строгом смысле слова не ожидается — автор всего лишь собирается указать на тот факт, что *имя зверя* было оглашено уже Тем, от Кого апостол Иоанн получил своё откровение, и предлагает принять этот факт к сведению. Нам остаётся только добросовестно списать имя из Апокалипсиса — и всё...

Мысль о том, что *имя зверя* содержится в самом тексте Откровения, отчего-то игнорировалась уже самыми первыми известными его толкователями. Ничьей вины тут, конечно, нет. Писания Нового Завета изобилуют иносказаниями, не всегда различимыми цитатами из Ветхого Завета, из ветхозаветных апокрифов (Иуд. 9, 14, 15) и почти неразличимыми ссылками на незаписанные предания. Есть и другой род «тайнописи», когда греческие слова и фразы неявно отсылают нас к специфически еврейским религиозным понятиям. Таких фраз особенно много не только в Откровении, но и в Евангелии от Иоанна. Укажем лишь наиболее характерные из них, где греческий текст, возможно, сохраняет память о произнесении Христом «непроизносимого» Имени Бога.

Как известно, в еврейском языке Имя Бога (יהוה) представляет собой сочетание трёх наложенных друг на друга форм глагола «быть»: «был», «есть» и «будет». Господь называет Себя: «Яхве» (יהוה) и говорит о Себе: «ани Яхве» — «Я Господь» (Исх. 6: 2), а также: «ахье ашер ахье» — «Сущий» (Исх. 3: 14), что буквально означает: «Я есть То, Что Я есть». Однако точный смысл этих слов лучше передавать не буквальным переводом, а скорее так: «Я есть Тот, Который единственно и истинно есть (то есть Сущий)», или: «Я — Сущий, Единственно Пребывающий», или даже: «Я есть Само Бытие». Еврейское «ахье» (Сущий), пожалуй, не имеет

аналогов в других языках, поэтому даже по-гречески (а тем более по-русски) это будет звучать вполне обыденно: «это Я» (или «Я есть»), то есть точно так же, как может сказать о себе всякий человек.

Произнесение Имени Бога в Апокалипсисе запечатлено выражением: «Который есть, был и грядет». Тайнозритель прежде всего свидетельствует о Том, от Чьего Имени он записывает своё откровение: «благодать вам и мир от Того, Который есть и был и грядет» (Откр. 1: 4), а затем приводит Его прямое свидетельство о Себе: «Я есмь Альфа и Омега, начало и конец, говорит Господь, Который есть и был и грядет, Вседержитель» (Откр. 1: 8). Это выражение повторено ещё однажды — в славословии «четырёх животных»: «свят, свят, свят Господь Бог Вседержитель, Который был, есть и грядет» (Откр. 4: 8).

В четвёртом Евангелии Имя Бога достаточно ясно читается в восьмой главе, в беседе Христа с Иудеями (Ин. 8: 24, 25, 58 и др.), а также в описаниях омовения ног апостолам (Ин. 13: 19) и взятия Христа под стражу (Ин. 18: 5–6): «Я есмь», «Это Я». Не столь ясно оно звучит в беседе Христа с самарянкой (Ин. 4: 26), в словах, которые Он говорит Марфе перед воскрешением Лазаря (Ин. 11: 25), в одном из эпизодов Страстей Господних у евангелиста Луки (Лк. 22: 70) и в некоторых других местах.

То, что в указанных нами эпизодах произносится Имя Бога, можно опознать не столько даже по формам глаголов, сколько по реакции людей, слышащих, казалось бы, вполне обыденные слова. Стража падает на землю (Ин. 18: 6); самарянка оставляет свой водонос и спешит в город (Ин. 4: 26); иудеи хватаются за камни (Ин. 8: 58–59), а первосвященники рвут на себе одежды (Мк. 14: 62–63; Лк. 22: 70). Марфа, имевшая до того лишь «знание» от Господа — Учителя (Ин. 11: 22–24), утверждает в «вере» в Господа — Спасителя (Ин. 11: 25–27) и т. д. Однако ни греческий, ни русский тексты, равно как и все остальные переводы, не содержат в себе ничего напоминающего то сочетание звуков, то необычное колебание воздуха, от которого у религиозных иудеев подкашивались ноги и руки хватались за тяжёлые предметы (у тех, кто полагал, что слышит богохульство). Звучание этого «Я» из уст Христа воспринималось слушателями не как обычное свидетельство человека о самом себе, но как свидетельство об иной природе

де Богочеловека. С другой стороны, никаких разъяснений на этот счёт ни Иоанн, ни другие евангелисты не предлагают, оставляя возможность усердным и внимательным читателям разобраться во всём самостоятельно. Таких читателей оказалось немало, и поэтому, говоря об Имени Бога, мы всего лишь кратко изложили то, что богословы уже знают и о чём давно пишут.

Вполне исчерпывающие суждения существуют и относительно языка и стиля Откровения: «Прежде всего, что касается его языка, приходится сказать, что он носит явные и резко выраженные черты еврейского стиля, небезупречного благодаря своим гebraизмам в отношении правильности языка и грамматики... Этот своеобразный стиль Апокалипсиса свидетельствует об особой силе еврейского духа и темперамента, этой книге присущего и сравнительно как будто даже ослабленного в четвёртом Евангелии, в этом смысле более эллинистическом. И этот нарочито еврейский характер этой книги ещё более отражается в её особом литературном жанре и стиле, именно как Апокалипсиса... Во всех священных книгах не только Ветхого, но даже и Нового Завета (хотя и в греческом тексте) слово Божие звучит еврейским голосом, так что нуждается в переводе на вселенское наречие, доступное для «всех языков»... И это же самое должно быть сказано и об Апокалипсисе, который свой еврейский стиль, образность, темперамент передал и сохранил как вселенский, всечеловеческий и этот своеобразный текст местного и частного обобщил во всенародный»^{*}.

О том, кого имел в виду апостол под зверем, существует несколько версий. Первая и самая распространённая заключается в том, что зверь — это и есть сам антихрист. При этом большинство толкователей полагают, что поскольку антихрист придёт ближе к концу мира, то соответственно этому и число объявится в конце, чтобы «имеющие ум» смогли подстраховаться дополнительно, если они сомневаются в своей возможности узнать зверя духовным зрением^{**}. Согласно этой версии, у антихриста будет ещё и лжепророк, его «правая рука». По другому мнению, зверь — это

^{*} Сергей Булгаков, *прот.* Апокалипсис Иоанна. М., 1991. С. 8–9.

^{**} Ср.: «Когда же придут определённые сроки, то тогда откроется и тот сатанский, о котором это было предсказано, равно как всем будет показано и (его)

антихрист коллективный, то есть некая религиозная (или какая-то другая) организация, тайная или явная, которая вынашивает где-то в своих недрах антихриста персонального. Это мнение не столько высказывается, сколько подразумевается некоторыми авторами, особенно после того, как всех нас напугал церковный литератор Сергей Нилус. Остальные мнения единичны, довольно слабо обоснованы и путаны, так что принимать их в расчёт мы не будем. Про тайную организацию, по нашему мнению, тоже стоит забыть, даже если на нас и обидятся любители тайных организаций. Эту версию мы совершенно отмечаем как несерьёзную.

Первая версия поддержана авторитетом многих святых мужей, взгляды которых мы не можем игнорировать. Потому попробуем подвергнуть её как можно более обстоятельному критическому разбору. При этом мы, разумеется, не будем приводить все существующие рассуждения на эту тему и остановимся лишь на некоторых наиболее известных высказываниях, на примере которых хорошо видно, как правильный ход мысли обрывается совсем не бесспорным выводом.

Святитель Иринеи Лионский, занимаясь подсчётом различных вариантов, остановился, как известно, на имени «Титан». Тем же путём пошли и его последователи Ипполит Римский и Андрей Кесарийский, воздержавшись, однако, от однозначного вывода и ограничившись перечислением нескольких более или менее подходящих имён, как собственных, так и нарицательных. При этом все они, по сути гадая, признавали, что гадать об этом не вполне благоразумно, поскольку сам апостол никакого имени всё-таки не привёл, а значит, оно было и не нужно или, по крайней мере, ещё не ко времени. Однако в рассуждениях отцов ощущается некоторое недоумение: действительно, с чего бы это апостолу понадобилось скрывать сатанинские тайны? Можно, конечно, исходить из того, что имя было бы открыто сразу, без всяких чисел, если бы существовала такая необходимость. Но с чего мы взяли, что такой необходимости *не было*? Ведь апостол прямо и недвусмысленно написал: «сочти». И написал он это, я полагаю, для всякого

имя» (*Ипполит Римский*. Изложение на основании Священного Писания о Христе и антихристе. L).

«имеющего ум», а не только для тех, кто должен был дожить до пришествия антихриста*.

Особенно чувствуется недоумение святителя Иринейя. Сначала он предупреждает об осторожности в таком деле, как предрекаание какого-нибудь возможного и подходящего имени: «...Вернее и безопаснее ожидать исполнения пророчества, нежели предполагать и предрекать какие-либо имена, ибо может найтись много имён, заключающих в себе вышеозначенное число, и всё-таки этот вопрос останется нерешённым» (О тираническом царстве антихриста). Однако это не мешает ему самому предложить несколько имён и выбрать из них, как ему кажется, наиболее вероятное: «...Имя Еванфас содержит искомое число, но я о нём ничего не утверждаю. И имя Латинянин имеет число 666, и весьма вероятно, что последнее царство носит это название; ибо ныне Латиняне царствуют, но я не хочу этим хвалиться. Но из всех нами находимых имён Титан, если написать первый слог посредством двух гласных E и I, — наиболее вероятно, ибо оно содержит вышеозначенное число и состоит из шести букв, в каждом слоге по три буквы, оно древне и неупотребительно, потому что никто из наших царей не назывался Титаном и ни один из идолов... но у многих оно почитается за божественное... Посему, если имя Титан имеет в свою пользу так много оснований, то очень много вероятности заключать, что грядущий антихрист, может быть, будет называться Титаном». Но сразу же вслед за этим начинаются сомнения по поводу необходимости открытия имени в настоящее время: «Я, однако же, не решусь утвердительно объявить это за имя антихриста, зная, что, если бы необходимо было в настоящее время открыто быть возвещену его имени, оно было бы объявлено тем самым, кто и видел откровение... Он (апостол) показывает число имени антихриста, чтобы мы остерегались, когда он придёт, зная,

* Напомним, что в тексте Нового Завета вообще нет таких слов, которые можно было бы отнести лишь к верным, живущим в какой-то определённый временной промежуток. Даже пророчества о последних судьбах человечества обращены ко всякому христианину, так как всякий христианин так или иначе доживает до своей *последней судьбы* в этом мире. Таким же образом никакие слова в этом тексте невозможно признать «устаревшими».

что он; имя же его умолчал, потому что оно недостойно быть возвещённым от Духа Святаго*.

Но неужели нам следует думать, что апостол, приведя число зверя, намекнул нам на его имя только для того, чтобы мы всякий раз вот так считали, проверяли и тотчас убеждали себя, что делать это бесполезно. Ведь ясно, что раз самого имени апостол не дал, то мы обречены его считать из поколения в поколение, причём на фоне заведомо и решительно оговорённого мнения, что занятие это — пустое и если даже не совсем греховное, то, по крайней мере, — явно бесполезное. Хотя, между прочим, святые отцы этим бесполезным занятием в своё время набаловались вволю, правда так и не получив хоть сколько-нибудь вразумительного результата. А, с другой стороны, как можно считать *бесполезным* следование Писанию, в котором ясно написано: «имеющий ум — сочти»? На это можно ответить, что такое занятие может *оказаться бесполезным* как раз для человека, ума не имеющего, но ведь глупый человек, как правило, не имеет понятия о том, что он глуп, так что толковать ему о *бесполезности*, по меньшей мере, бессмысленно. Да и кто за это возьмётся?

Таким образом, вопрос о том, что хотел сказать апостол, давая людям число зверя, остаётся открытым. Равно как и вопрос о том, имеет ли этот зверь «лицо», которое предполагалось «открыть», или одно только «тело»? Лично я склоняюсь ко второму мнению: зверь не персонифицируется, зверь — это вообще не антихрист. Антихрист — это «лжепророк» или «другой зверь» (Откр. 13: 11), дракон (Откр. 12: 3–17) — это сатана, тут всё ясно. Но кто же тогда зверь?

На протяжении двух тысяч лет число зверя являлось своеобразной скважиной, которой пользовались совсем не по назначению. Вместо того чтобы подобрать ключ, вставить его в скважину, сделать оборот и открыть дверь, к этой скважине наклонялись, прикладывали один глаз и пытались разглядеть, что за ней видно. Взору представлялась всяческая ерунда, вроде разных политических деятелей, которых тщательно «обсчитывали»,

* Заметим всё же, что Откровение вряд ли можно *замарать* именем человеческим, раз уж там выписано одно из демонических имён, да ещё с такой дополнительной подробностью, как еврейское его звучание (Откр. 9: 11).

или воображаемых тайных организаций. Ведь что происходит, когда в уме держится только одно число? Происходит неизбежная подгонка, и исследование начинается от обратного. Получается, что число — одно, а имён сколько угодно — выбирай любой алфавит и проверяй. Признаюсь, я сам занимался этим несколько раз... Последний, кого я «обсчитал», был... впрочем, не стану его называть, чтобы не смешить народ.

Попробуем перестроить ход нашего мышления. Перестанем непрерывно искать вокруг себя *число* и вернёмся, наконец, к *тексту* Откровения. Имя зверя в Откровении выписано так выпукло, что не обратить на него внимания просто невозможно. Оно читается на любом языке, и мы не можем его игнорировать только потому, что у нас не получается его рассчитать. Но чтобы это сделать, нужно для начала понять, что собой представляет сам зверь. Мы же действуем ровно наоборот, нарушая порядок рассуждения и понимания *сущности* зверя, ибо опознать его мы должны всё-таки не по числу. Вспомним, что от нас требуется, чтобы мы, во-первых, «не поклонились зверю, ни образу его» (Откр. 20: 4), а во-вторых, не приняли «начертание» сперва *имени*, а потом и *числа* (Откр. 13: 17). Самого зверя, как мы скоро поймём, узнавали во все времена, без всякого подсчёта, и подсчёт — это просто последняя проверка, которая имеет смысл лишь после того, как самого зверя мы уже узнали, образ его — увидели, а имя — прочли. И для такого многоступенчатого понимания Откровение представляет весь необходимый материал: мы видим и самого «зверя» (Откр. 13: 3–4), и образ его (Откр. 17: 3–18), и его имя, и, наконец, число (Откр. 13: 18).

Но нас интересует пока только имя, поскольку его мы считываем с образа и из имени, в свою очередь, получаем число. И имя это совсем не сложно найти в тексте Откровения. Вот как оно звучит в синодальном переводе: «И на челе её написано имя: тайна Вавилон великий*, мать блудницам и мерзостям земным» (Откр. 17: 5).

* На иврите «Вавилон» — женского рода, поэтому правильнее было бы читать «Вавилон великая».

ТАЙНА

И он сделает то, что всем, малым и великим, богатым и нищим, свободным и рабам, положено будет начертание на правую руку их или на чело их, и что никому нельзя будет ни покупать, ни продавать, кроме того, кто имеет это начертание или имя зверя, или число имени его. Здесь мудрость. Кто имеет ум, тот сочти число зверя; ибо это число человеческое. Число его шестьсот шестьдесят шесть (Откр. 13: 16–18).

«Вавилон великий, мать блудницам и мерзостям земным» — так сам апостол записал имя, начертанное на челе апокалиптической блудницы, пред-упредив его словом «тайна», что означало: «читай иносказание». Но почему это имя и есть имя зверя? — поинтересуется всякий, читающий эти строки.

Слово «тайна», как мы видим, играет в свидетельстве апостола знаковую роль и предлагает сосредоточить внимание на имени, которое за ним следует. И пусть не покажется странным, что всё связанное с прочтением имени и подсчитыванием числа так напоминает зашифрованное послание. Пусть не покажется нам это слишком мелким в сравнении с грандиозностью видения Иоанна Богослова — не нам определять степень важности той или иной части этого текста. Да, можно сказать, что в текст Откровения вставлен некий шифр, позволяющий прочесть правильно один, на первый взгляд не самый значительный, отрывок, и что сам этот шифр занимает куда больше места, чем то, что он призван раскрыть. И мы, оставив в стороне рассуждения о масштабах Откровения, всего лишь постараемся проследить за указаниями автора (а указания эти несомненны). Причины, побудившие апостола прибегнуть к такой своеобразной маскировке, кажутся нам вполне естественными, и в дальнейшем мы ещё коснёмся этих причин. Но сейчас вернёмся к слову «тайна», пред-упреждающему

оглашение имени. Иоанн Богослов предлагает нам раскрыть тайну имени, написанного на челе жены, и мы со всяким смирением её раскроем, ибо при наличии множества указаний, намёков и символов от нас требуется лишь *связать воедино* то, что вполне очевидно и лежит на поверхности, но в виде разрозненных фрагментов. Нам не нужно получать никакого нового «откровения» для того, чтобы разобраться с именем и с числом, — слишком много чести и для нас, и для зверя. Да и сам апостол строго наказал не добавлять «слов пророчества» (Откр. 22: 18), подразумевая, очевидно, невозможность прибавления к Откровению именно *пророческих* слов, а не комментариев (то есть просто слов). И не только в смысле прямого вписывания их в книгу, но и в смысле невозможности уничтожения *данного пророчества* в его целостности и полноте. Всё необходимое в тексте уже есть — остаётся применить к нему простой здравый смысл...*

Чело блудницы несёт на себе явный знак, и это первое и, пожалуй, самое заметное указание апостола, поскольку чело с именем в тексте Откровения уже упоминалось: «...Положено будет начертание на правую *руку* их или на *чело* их...» (Откр. 13: 16). Рука блудницы тоже не пустует. В ней — чаша со всякой нечистотой, то есть — деяния её. Содержимое чаши, таким образом, изображает ровно то самое, что начертано на лбу — блуд, мерзость и нечистоту.

Нам непременно следует разобраться с «рукой» и с «челом», иначе мы рискуем угодить в ловушку лукавого, пытаясь угадать антихриста по его рисункам или каким-нибудь другим материальным приметам на наших лбах или на лбах и на руках наших ближних. Ведь многие из нас уже совершенно готовы к тому, что всем вот-вот начнут давать «в руки» бесплатные намагниченные

* «...Вся эта картина запечатлевается неким мистическим шифром, обозначающим имя зверя через число этого имени. Он предваряется особым подчёркиванием его значения: «здесь мудрость». Здесь разумеется, конечно, не высшая божественная премудрость, но определённая, конкретная мысль, как бы некоторый мистический секрет. Эта земная мудрость не предполагает для себя вдохновения высшей премудрости, но лишь ум: «кто имеет ум» (ο εχων νοον) практический (а не теоретический, созерцательный, «чистый» разум), здравый смысл, хитрость и лукавство, как это и соответствует низменному предмету этого разума. Речь идёт теперь о том, чтобы «сосчитать», то есть узнать, подглядеть, определить «число зверя». Это возможно и доступно для человека...» (Сергий Булгаков, *прот.* Апокалипсис Иоанна. М., 1991. С. 114).

карточки и вставлять в мозг компьютерные «чипы», после чего всё сразу станет ясно и можно будет уходить в горы — или идти на мученичество, чтоб только не допустить никакой клеймящей нас электроники...

От идеи всякого физического «начертания» стоит решительно отказаться, прежде всего потому, что в таком случае мы явно отделиваемся слишком легко. Ну да, в крайнем случае нас замучают. Но готовых к мученичеству сейчас куда больше, чем тех, кто не принимает зверя и никогда его не примет. Мучиться же, не желая принимать электронный паспорт, пенсионное удостоверение, кредитную карту или какой-нибудь ещё продающе-покупающий документ — значит пострадать не за Христа, а как бы «против антихриста», который, вероятней всего, окажется и не антихристом никаким, а просто очередным самодуром... Так можно пострадать и из-за отсутствия симпатии к какому-нибудь очередному политику, в голове у которого одни реформы по разным занимательным для него образцам. А самое печальное, что, принимая такое «мученичество», можно запросто иметь в себе настоящую антихристову печать и даже не догадываться об этом.

Разумеется, вполне может оказаться и так, что сатана заставит нас принять политический, а не религиозный выбор. Такое уже встречалось в человеческой истории неоднократно. Но важно помнить, что дьявол охотно применяет всевозможные уловки с целью отвлечь нас от правильного пути, а мы, в свою очередь, уж слишком часто «уловляемся» — ключём на разные политические, экономические и просто административные реформы, видя в них свидетельство непрременной близости антихриста. Между тем «чело» и «рука», скорее всего, говорят об *образе мысли* и *образе действия* в единстве и согласии со зверем. Именно этого будет добиваться антихрист, и это будет его главной целью — не просто внешняя лояльность, а внутренняя покорность зверю, согласие с ним. Заставить мыслить и действовать для пользы зверя, сделав «начертание» не на лбах людей, а в их сердцах, — вот что является целью сатаны*.

* Совершая различные действия в мире, человек так или иначе подразумевает их разделение на главные и второстепенные. И именно правильному разделению Господь научает человека в первую очередь: главным для него

Но можно ли напрямую сопоставлять начертание на челе блудницы с тем начертанием, которое будет положено на поклонившихся зверю? Возможность такого сопоставления зависит, в частности, от того, чьё имя написано на челе блудницы — её самой или зверя, на котором она сидит. Это не такой сложный вопрос, чтобы на него было невозможно ответить, и не такой простой, чтобы отвечать однозначно, в том духе, что имя принадлежит только тому, на ком оно выведено. Ответ на этот вопрос можно найти в словах Ангела, показывающего пророку видение: «...Что ты дивишься? я скажу тебе тайну жены сей и зверя, носящего её...» (Откр. 17: 7; курсив мой. — И.Б.). Мы видим из слов Ангела, что тайна жены и зверя — одна...

Ещё одно указание, направляющее наши поиски, можно увидеть в словах апостола об «уме, имеющем мудрость» (Откр. 17: 9), который нужен для того, чтобы понять, что скрывается за образами его видения. Как мы помним, именно ум несколькими глазами раньше требовался для того, чтобы рассчитать число зверя: «Здесь мудрость. Кто имеет ум, тот сочти число» (Откр. 13: 18). Дальше следуют уже достаточно конкретные подробности, в том числе географические, указывающие на некую местность: «...Семь голов суть семь гор, на которых сидит жена...» (Откр. 17: 9). Эти же головы чуть дальше тракуются и как «семь царей, которые пали», причём сам зверь «есть восьмой, и из числа семи» (Откр. 17: 10, 11). Таким образом, зверь, на котором восседает «жена», составлен из нескольких зверей, но при этом не утрачивает своей цельности. «Десять рогов» — это ещё десять царей, которые «передадут силу

должна стать любовь к Богу и ближнему своему, а остальное — забота о пище, одежде, о всяком другом материальном достатке, о служебной карьере и даже о здоровье и душевном комфорте — не может занимать первоочередного места, вытесняя «единое на потребу». Символика рук, правой и левой, отображает эту иерархию потребностей. Правая рука соответствует главному в человеческой деятельности, и если главное мы отдаём зверю, направляя силы на удовлетворение своих похотей (любых, пусть даже вполне пристойных и поощряемых обществом), то сами и подставляем свою правую руку зверю, причём вполне добровольно. Если мы только и думаем о том, как бы что-нибудь переустроить «под себя», по собственному образцу и для собственного комфорта (пусть даже нам кажется, что это делается из альтруистических побуждений), то мы, опять же добровольно, подставляем свой лоб для печати. Можно, кстати, ежедневно бывать в церкви и не переставать при этом служить идолам зверя.

и власть зверю» (Откр. 17: 13), но они же «возненавидят блудницу, и разорят ее, и обнажат, и плоть её съедят, и сожгут её в огне» (Откр. 17: 16). Наконец, выясняется, что «жена» — это «великий город» (Откр. 17: 18), а город этот, как мы узнаём немного ранее из надписи на её челе, — Вавилон (Откр. 17: 5)...

Все эти подробности сообщает апостолу Ангел, раскрывая тайну жены и зверя, а апостол, который вначале «дивился удивлением великим», в свою очередь, раскрывает её нам. Мы тоже начинаем дивиться, понимая, во-первых, что ангел почти ничего не говорит нам о блуднице (несмотря на очевидную эффективность этого образа), а сосредотачивает всё наше внимание именно на звере. Кроме того, в рассказе Ангела так и не появляется никакой персоны, которая несла бы в себе прямую и очевидную загадку тайны. Вместо неё перед нами возникает, скорее, образ некоего царства со всеми его характерными атрибутами или даже нескольких царств, находящихся друг с другом в весьма непростых отношениях, в которые вовлечены разнообразные «народы, и племена, и языки» (Откр. 17: 15). Но именно в поведанной Ангелом тайне находится необходимый ключ к подсчёту числа зверя, что явно следует из слов апостола «здесь ум, имеющий мудрость». Все символы расположены здесь так, что, потянув за нить и следя за всеми указаниями, мы можем довольно легко распутать весь узел. Нам только не следует торопиться, забегать вперёд и начинать с числа только потому, что оно у нас уже есть. До числа мы, с Божией помощью, ещё доберёмся — в своё время.

Итак, тайна жены и зверя — одна, и, как ни удивительно, на первый взгляд, её подробности, Ангел предупреждает, что настоящее удивление ожидает тех, кто, роскошествуя с женой-блудницей, с которой было так хорошо и комфортно, не видел, не хотел замечать в ней и под ней — зверя (Откр. 17: 8). С падением Вавилона-блудницы зверь окончательно вылезет наружу (Откр. 17: 16, 17), и тогда будет уже поздно: «...Пал, пал Вавилон, город великий, потому он яростным вином блуда своего напоил все народы... кто поклоняется зверю и образу его и принимает начертание на чело своё, или на руку свою, тот будет пить вино ярости Божией...» (Откр. 14: 8–10); «...Пал, пал Вавилон, великая [блудница], сделался жилищем бесов и пристанищем всякому нечистому духу, пристанищем всякой нечистой и отвратительной

птице; ибо яростным вином блудодеяния своего она напоила все народы...» (Откр. 18: 2).

В том, что поиски имени и числа зверя неизбежно приводят в Вавилон, мы убеждаемся на протяжении всего Откровения, со всей очевидностью вычитывая это в самом контексте повествования. С Вавилоном напрямую связаны поклонение «зверю и образу его», а также принятие его «начертания» (Откр. 14: 8–11). И зверь, и Вавилон до поры до времени вызывают восторг, выражающийся в одних и тех же эпитетах: «кто подобен зверю сему?» (Откр. 13: 4), «какой город подобен городу великому!» (Откр. 18: 18). Наконец, мучения «поклоняющихся зверю» (Откр. 14: 11) совершенно сопоставимы с воздаянием, обрушивающимся на Вавилон (Откр. 18: 8–19). Вспомним также, что Вавилон — это имя-тайна, написанная на челе жены, но Ангел, раскрывая общую тайну жены и зверя, начинает именно со зверя (Откр. 17: 8–17), а потом прибавляет то, что вроде бы должно быть очевидно с самого начала: «жена... есть великий город» (Откр. 17: 18). Впрочем, после рассказа о звере, в котором он обретает вполне отчётливые черты города и царства, эти слова кажутся отнюдь не такими очевидными...

Итак, воспользовавшись указаниями апостола о начертании имени и числа зверя на руке и на челе (Откр. 13: 16), мы направили свой безблагодатный, но находчивый ум на то, чтобы отыскать в самом тексте Откровения чело и руку, на которых было бы хоть что-то написано. Такое чело мы обнаружили в описании блудницы, сидящей на звере, причём на челе этом была не просто надпись, а целое имя, которое к тому же было объявлено как тайна. К челу прилагалась рука с чашей, содержимое которой вполне соответствовало имени. Наконец, знакомясь с общей тайной блудницы и зверя, мы поняли, что всё, что говорится о звере, очень тесно связано с понятием «Вавилон», и связь эта настолько полна, что позволяет составить достаточное представление и о сущности зверя, и о его образе. При этом главным в рассказе Ангела является именно зверь: блудница же выступает как олицетворение и образ (икона) зверя, а с другой стороны — его видимая «плоть», его верхняя, привлекательная сторона. И именно этот образ, как мы должны в самом скором времени понять, будет говорить, действовать и требовать поклонения себе (Откр. 13: 15).

ЗВЕРЬ

Первый раз на страницах Библии зверь получает имя в тексте одиннадцатой главы книги Бытия, повествующей о строительстве «города и башни» и последовавшем за ним смешении языков: «И сказали они: построим себе город и башню, высоту до небес, и сделаем себе имя, прежде нежели расеемся по лицу всей земли... Посему дано ему имя: Вавилон, ибо там смешал Господь язык всей земли» (Быт. 11: 4, 9).

Построим себе город... Сделаем себе имя... Мы видим, что первый человеческий коллективный муравейник создавался людьми ради самих себя, ради обозначения своего величия и своей самодостаточности. Ради того, чтобы «прогмечь именем», оставить след в этом мире в виде циклопических построек, имитирующих согласие и единодушие. Единоустремлённость. Но вместо славного имени, которое должно было бы напоминать о согласии и единодушии, человечество заработало себе совершенно другое имя. Согласие, не имевшее иной цели, кроме обозначения себя в мире и в истории, привело к разладу и рассеянию. То, что люди создали, получило имя, ставшее нарицательным: Вавилон (בבל) — «в смешении (находящийся)».

Читая Писание от Бытия до Откровения, мы видим, как Израиль — сперва Ветхий, а потом и Новый — оставался и остаётся единственным собранием, которое готово противостоять Вавилону (матери) и его (её) порождениям. О недопустимости смешения с ними постоянно предупреждали пророки, причём в роли этих порождений в их пророчествах нередко выступают самые разные города и земли, объединённые общим духом нечистоты, идолопоклонства и жестокости. Достаточно вспомнить грандиозное пророчество Исаии (Ис. 13–23), где вслед за Вавилоном — главным источником скверны — разнообразные

бедствия предрекаются почти всем крупным центрам тогдашней цивилизации.

Библейское учение о Вавилоне и его (её) порождениях совершенно совпадает по смыслу со святоотеческим пониманием «мира сего», основанном на Писаниях Нового Завета и на собственном духовном опыте Церкви. Творения отцов подробно раскрывают сущность «мира сего», рассказывают о его соблазнах и о способах противодействия им, а также о его бесславном конце.

«Мир сей» — это не тот мир, который возлюбил Господь и который Он вознамерился спасти. «Мир сей» никогда не страдает, не мучается, не колеблется и не нуждается в спасении. «Миру сему» не до спасения, он холоден и равнодушен. Он упивается страданиями и мучениями, потешается и измывается над слабыми и колеблющимися. «Мир сей» выпирающе-демонстративно «богат духом» или, скорее, «дúхами», отторгая от себя дарованное нищете духа блаженство, и он живёт в каждом из нас, прибирая к своим рукам силы нашей души и обогащаясь за счёт них всё больше и больше. Постоянно маскируясь под «мир, возлюбленный Богом» и заманивая всё новыми и новыми «увлекательными» перспективами, «мир сей» для многих из нас давно уже является абсолютным и единственным «духовным лидером», от которого постоянно ждут чудес — невероятных, но в то же время являющих вполне конкретную «пользу».

Таким образом, если Вавилон — это *имя зверя*, то нет никаких сомнений в том, что под зверем апостол имел в виду именно «мир сей».

Итак, зверь — это «мир сей», образ его — жена-блудница, имя его — «Вавилон великий (великая)», число его — 666. Начертание его на правой руке есть отдание всех дел своих и всех сил души своей — всего Божиего, то есть дарованного Богом, — миру (цесарю) и его идолам: «Не раскаялись в делах рук своих, так чтобы не поклоняться бесам и золотым, серебряным, медным, каменным и деревянным идолам, которые не могут ни видеть, ни слышать, ни ходить» (Откр. 9: 20). Начертание на челе — отдание всех мыслей своих и всех духовных сил: «Они имеют *одни мысли* и передадут силу и власть свою зверю» (Откр. 17: 13). Наконец, вместе чело и рука знаменуют «полноту» жизни «во звере»: «образ зверя и говорил и действовал так, чтобы убиваем был вся-

кий, кто не будет поклоняться образу зверя» (Откр. 13: 15; курсив мой. — И.Б.).

Именно зверя показал сатана Христу, искушая Его в пустыне: «И, возведя Его на высокую гору, дьявол показал Ему все царства вселенной во мгновение времени. И сказал Ему дьявол: Тебе дам власть над всеми сими царствами и славу их; ибо она предана мне, и я, кому хочу, даю её. Итак, если Ты поклонись мне, то всё будет Твоё» (Лк. 4: 5–7; ср.: «И дивилась вся земля, следя за зверем, и поклонились дракону, который дал власть зверю. И поклонились зверю, говоря: кто подобен зверю сему?»; Откр. 13: 3, 4). Зверь — «мир сей» — является главным богоотрицающим, богопротивящимся субъектом истории, который некогда получил свою власть от сатаны и остаётся по сей день его главным орудием.

Настоящие знаки зверя — невидимы, они узнаются в возлюблении «мира сего», от которого предостерегал нас апостол Иоанн: «Не любите мира, ни того что в мире: кто любит мир, в том нет любви Отчей. Ибо всё, что в мире: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, не есть от Отца, но от мира сего. И мир проходит, и похоть его, а исполняющий волю Божию пребывает вовек» (1 Ин. 2: 15–17); «Не дивитесь, братия мои, если мир ненавидит вас» (1 Ин. 3: 13) и т. д. Но для того чтобы знак был принят, должен быть и тот, кто его «проставляет» — укореняет и утверждает его в нашем сознании и в нашей повседневной жизни. В сборных посланиях Иоанна присутствует этот самый, пожалуй, известный и популярный персонаж позднего православного фэнтези — антихрист. В Откровении, изобилующем иносказаниями, он фигурирует под названием «другой зверь». Дух антихриста есть дух возлюбления славы человеческой, некогда вызвавший к жизни уже упомянутое нами вавилонское «имяделание». «...Всякий дух, который не исповедует Иисуса Христа... это дух антихриста» (1 Ин. 4: 3), — писал апостол, вероятно, вспоминая другие свои слова — о тех, кто «не исповедовали» Христа, ибо «...возлюбили больше славу человеческую, нежели славу Божию» (Ин. 12: 42).

Дух антихриста, как можно понять из слов апостола, происходит от «не наших», то есть от прикидывавшихся своими, которые под действием этого духа «выходят», обнаруживают себя как чужие: «И как вы слышали, что придёт антихрист, и теперь появилось много антихристов, то мы и познаём из того, что последнее

время. Они вышли от нас, но не были наши: ибо если бы они были наши, то остались бы с нами; но они вышли, и через то открылось, что не все наши» (1 Ин. 2: 18, 19). Здесь, безусловно, имеется в виду уход за той самой «славой человеческой», сколько бы ни уверяли уходящие, что пекутся исключительно о славе Божией. Апостол указывает на появление множества таких людей, добавляя, что антихристов дух легко усваивается миром, полностью ему соответствуя: «Они от мира, потому и говорят по-мирски, и мир слушает их» (1 Ин. 4: 5).

«И так как всё имеет конец, то одно из двух предлежит нам: смерть или жизнь, и каждый пойдёт в своё место. Ибо есть как бы две монеты, одна Божия, другая мирская, и каждая имеет на себе собственный образ, неверующие — образ мира сего, а верующие в любви — образ Бога Отца чрез Иисуса Христа» (*Игнатий Богоносец*, К Магнезийцам. 5). Не-верие, без-верие, мало-верие, полу-верие, недо-верие, суетное-верие, все-верие, свое-верие — всё это есть принятие начертания, принятие монеты с образом «мира сего». Эта монета не в ходу в Царстве Бога Живого, но принять эту простую истину нам всё время что-то мешает. Нам хочется отчеканить свою монету с двух сторон — так, чтобы на реверсе стоял номинал наших духовных подвигов и заслуг, а на аверсе красовалась какая-нибудь государственная зверюга, символизирующая очередной по счёту «Рим», которому «посвящалась» бы ещё и часть номинала, тоже в качестве подвигов и заслуг, но уже перед отечеством. Нам кажется недостаточным молиться за отечество и за власти, чтобы власти не довели отечество до озверения. Нам непременно хочется вмешаться в процесс и порулить самим. И не перестаёт звучать старая-престарая песня: «Церковь не может оставаться вне политики».

Наверное, нетрудно понять, зачем апостолу понадобилось скрыть имя зверя и всё же показать его таким необычным способом. Мы хорошо помним (хотя нередко затрудняемся это представить), что в те давние времена христиан подозревали в нелояльности государству. Даже Самого Христа тогдашние законопослушные граждане пытались подловить на этом вопросе. Неотмирность благой вести слишком ощутима, и чиновники всех времён не могли этого не чувствовать. Для мира непонятна и чужда спокойная христианская независимость от всяческих социаль-

ных механизмов. Христиане призваны болеть за мир, но при этом не должны отдавать даже частички своей души его ценностям. И любое государство, собирающее в себе один или несколько народов, каким бы совершенным оно ни было, для христиан является в лучшем случае безвредным и в таком качестве даже полезным, но никак не необходимо-полезным. И отдавать все свои душевные силы ради его дальнейшего совершенствования явно не стоит, равно как и ждать от этого государства чего-то большего и лучшего, чем безвредность. Конечно, эта мысль вряд ли понравится нашим вечно неуёмным реформаторам-буревестникам и вечно непреклонным сторонникам твёрдого единодержавного правления, которое одно только может привести всех к подлинному величию и процветанию...

Рискуя вызвать и в тех и в других сильное раздражение, мы приведём известное описание совершенно идеального, на наш взгляд, государства, главным достоинством которого является его полная безвредность. Это описание государства, никогда не существовавшего на белом свете, содержится в книге «Дао-дэ-дзин»: «Если не видеть желаемого предмета, то не будут волноваться сердца народа. Поэтому управление мудрого человека делает их сердца пустыми, а желудки полными... Пустота бессмертна, и я называю её глубочайшим началом. Вход в глубочайшее начало зову корнем неба и земли. Оно бесконечно, как существование, и действует без усилия... Доведу пустоту своего сердца до конца — сохраню полный покой, тогда все вещи сами будут расти, а я буду ждать их возвращения. Все вещи расцветают и возвращаются к своему началу. Возвращение к началу называется покоем, а покой называется возвращением к жизни. Возвращение к жизни называется постоянством. Знание постоянства называется просветлением, а незнание постоянства совершает зло...»

Такого, повторюсь, абсолютно *безвредного* государства, какое описал Лао Дзы, не существовало, да и не могло существовать, ибо образ правления зависит от правителей, а правители, сколько бы их ни было, всегда идут к власти по звериным тропам. Что касается христиан, то они вообще не должны питать никаких иллюзий по отношению к государству, поскольку найти или придумать такой «идеальный» образ правления, который позволил бы им изменить мир так, как заповедал Христос, всё равно невозмож-

но. Христианам должно быть достаточно того, чтобы государство не озверело ни целиком, ни в отдельных своих представителях и чтобы данная от Бога власть, которую эти представители призваны осуществлять в «мире сем», не превращалась бы во власть «мира сего» над Божией правдой.

Мог ли апостол в то время написать открыто, что имя зверя — «Вавилон великий (великая)», а сам зверь — это «мир сей»? Не мог. Объяви он это сейчас, нынешний, пока ещё либеральный зверь счёл бы это, скорее, за лесть и сразу не окрысился бы. Ему, наверное, даже понравился бы подобный «плюрализм во мнениях», допускающий и такое прочтение Откровения как «одной из наших бесспорных культурных и духовных ценностей», которая «по праву занимает своё место в сокровищнице мирового духовного опыта» и т. д. Сейчас, когда для зверя его имя — всего лишь «одна из версий», мы можем спокойно эту версию высказать, не опасаясь за своих братьев. Но апостол говорить в открытую, конечно, не мог, поскольку это вызвало бы «войну против плоти и крови» (Еф. 6: 12), которую христиане не ведут и не могут провозгласить.

Римский кесарь времён апостола был по сути «вселенским», мировым правителем и именно так себя и величал. И Рим тогда воспринимался как вселенная, как весь мир (космос). Но историческая память ранних иудео-христианских общин хранила не такие уж давние переживания о гонениях и пленениях тех времен, когда подобным «градом и миром» являлся Вавилон, и поэтому, вероятно, в этих общинах Рим и фигурировал под такой «кличкой». Её употребление хорошо прослеживается уже на примере Первого Послания апостола Петра, где метафизическое имя «центра вселенной» произносится как нечто совершенно очевидное и всем известное: «Приветствует вас избранная, подобно вам, церковь в Вавилоне и Марк, сын мой» (1 Петр. 5: 13). Мы можем предположить, что это имя являлось своего рода знаком, связывавшим между собой символы Ветхого и Нового Завета. Вавилон, как олицетворение всего противящегося Богу, получил своё продолжение в Риме — «шестом Вавилоне» — через цепь фиксированных в Писании преемств: «Здесь ум, имеющий мудрость. Семь голов суть семь гор, на которых сидит жена, и семь царей, из которых пять пали, один есть, а другой ещё не пришёл, и когда при-

дёт, не долго ему быть. И зверь, который был и которого нет, есть восьмой, и из числа семи, и пойдёт в погибель» (Откр. 17: 9,10)*.

Если б тогдашние власти прознали о том, как величается мир среди христиан, это могло бы вызвать необратимую волну репрессий. Объяснять, что речь идёт лишь о духовной сущности «мира сего», а не о государстве как таковом, было бы бессмысленно, ибо претендовавшие на божественность кесари увидели бы в этом ещё более серьёзное покушение — покушение на самые основы их миропорядка. Так же бесполезно и бессмысленно было бы объяснять, что речь идёт лишь о «теневой» стороне власти — по аналогии с теневой, падшей стороной человеческой души, поскольку язычество не понимало учения о грехопадении и его последствиях. Пророчество о конце Вавилона могло быть понято однозначно — как ожидание христианами скорого свержения Рима, что выглядело бы открыто враждебным и бесчеловечным в глазах римских граждан. Христианам и так приписывали всё, на что была способна человеческая фантазия, вплоть до людоедства, и нельзя исключать, что в слишком открытом эсхатологическом

* Разумеется, мы не собираемся заниматься здесь истолкованием апокалиптических пророчеств. Мы не имеем такого дерзновения. Но из процитированных слов Откровения вполне очевидно следует, что «зверь», головы которого опознаются как «семь царей», тоже является «царём», а значит, все «семь царей», в свою очередь, тоже «звери». Апостол явно предлагает нам узнать хотя бы одного из них: «пять пали, один есть, а другой ещё не пришёл...» Выяснить, какие из зверей уже «пали» к моменту появления пророчества, нам сейчас не особенно нужно, да и сам апостол вряд ли собирался заострять на них внимание читателей, тем более что далеко не все мировые империи-цивилизации воспринимались пророками как звери или блудницы, но лишь те, что пытались влиять на богоизбранный народ, насаждая в его среде свои порядки. Но нет никаких сомнений, что под тем зверем, который «есть», то есть существовал в то время, когда записывалось Откровение, и продолжает существовать поныне, подразумевался именно Рим.

Рим в этом смысле был плотью и кровью первого Вавилона... Пожалуй, ни одна из предыдущих цивилизаций, занимавших просторы ойкумены или хотя бы влиявших на мир своими законами, оружием, финансами и культурой, не шла в сравнение с Римом. Влияние римской цивилизации и сейчас ещё очень хорошо ощутимо: политические формы правления и передачи власти, законодательство и право, этика и культура со времён принцев почти не изменились. Шестой зверь всё ещё жив (хотя и находится на последней стадии издыхания), но ныне на сцену выходит иная формация, перед которой, думается, и Рим через некоторое время будет выглядеть весьма бледно.

учении языческие власти углядели бы программу политической партии, готовящей заговор. Да и в головах многих неопитов это учение могло принять крайние, сектантские формы, отвергающие всякую светскую власть (к сожалению, это нередко происходило и происходит и по сей день, несмотря на принятые апостолами меры предосторожности).

Настало время окончательно разъяснить, какой смысл мы вкладываем в те понятия, которые являются ключевыми для нашего исследования: «зверь» («мир сей»), «образ зверя» («блудница») и «другой зверь» («дух антихриста»).

«Мир сей» в нашем понимании есть совокупный аналог «жала смерти» (1 Кор. 15: 56) или «закона греха», действующего «в членах» каждого человека (Рим. 7: 23). Это порождающая энергию греха «закваска греха» или «сущность сатаны» (по выражению преподобного Макария Великого^{*}), захватившая человека и чело-

* «Со времени Адамова преступления душевные помыслы, отторгшись от любви Божией, рассеялись в веке сем и смешались с помыслами вещественными и земными. Но как преступивший заповедь Адам принял в себя закваску зловредных страстей, так и родившиеся от него, и весь род Адамов, по преемству, стали причастниками оной закваски; а при постепенном преспении и возрастании до того уже умножились в людях греховные страсти, что простёрлись до прелюбодеяния, непотребств, идолослужений, убийств и других нелепых дел, пока всё человечество не вскисло пороками. Зло до того возросло в людях, что помыслили, будто бы нет Бога, стали же поклоняться неодушевлённым камням; вовсе не могли даже составить себе понятия о Боге. До такой степени закваска зловредных страстей заквасила род ветхого Адама...

Видимый мир, от царей до нищих, весь в смятении, в настроении, в борьбе, и никто из них не знает тому причины, то есть этого явного зла, привзошедшего вследствие Адамова преступления, — этого жала смерти: потому что прившедший грех, как разумная некая сила и сущность сатаны, посеял всякое зло: он тайно действует на внутреннего человека и на ум, и борется с ним помыслами; люди же не знают, что делают сие побуждаемые чуждою некоею силою; напротив того, думают что это естественно, и что делают сие по собственному своему рассуждению... И ни один... не мог познать того повреждения, какое преступлением первого человека, произведено в душе, и омрачило её... И все сии, обладаемые поселившимся внутри их змием, и не сознавая живущего в них греха, сделались пленниками и рабами лукавой силы... Когда светит солнце и дует ветер, то у солнца — своё тело и своя природа, и у ветра своя же природа и своё тело. Так и грех примешался душе; но у греха и у души своя особая природа» (Наставления святого Макария Великого о христианской жизни, выбранные из его бесед. 2. 29, 36–38, 47).

вечество и склоняющая индивидуальную, а вслед за ней и коллективную волю ко злу. В конце концов, не будет ошибкой сказать, что это — первородный грех, живущий в естестве, в организме всего человечества^{*}. Так или иначе этот многоголовый зверь, эта постоянно возрождающаяся гидра — пришелец inferнального мира. Но «жить», то есть паразитировать, он может только на человеке. Нам думается, что автономного существования он не имеет.

Образ зверя (блудница) есть явление «сущности сатаны» в мире через человека. Его можно рассматривать как человеческое изделие, исполненное по сатанинской подсказке. Можно ли отнести это понятие ко всей человеческой цивилизации? Думается, что нет. Цивилизация сама по себе не является полностью сатанинским порождением. Греховное начало следует выделять не только в человеке, но и в том, что им создано: не все действия, составляющие человеческую жизнь, сочетаемы с дьявольским внушением, и не во всех действиях человечества, создающего разнообразные культуры и цивилизации, присутствует «образ зверя». Однако если человеческая воля станет волей зверя, сущность и явление совпадут.

Другой зверь (дух антихриста) — это дух лжепророчества. Действие его в мире и Церкви и есть, по-видимому, та самая «тайна беззакония», о которой говорил апостол языков (2 Фес. 2: 1–12). Видимо, это — существо или группа существ, целиком относящаяся к inferнальному миру. «Тайна беззакония», возвещаемая лжепророческим духом антихриста, легко обнаруживается через учение Церкви, куда закваска этого духа не исказит учение и не породит отступление от него: «Молим вас, братия... не спешить колебаться умом и смущаться ни от духа, ни от слова, ни от послания... будто уже наступает день Христов. Да не обольстит вас никто никак^{**}, доколе не придёт прежде отступление и не откроет-

* Здесь напрашивается прямая аналогия: победа над греховным порождением сатаны, въевшимся в наше естество, то есть над «ветхой», падшей плотью, равна победе над миром. Победить «плоть» и означает по сути — победить мир.

** Вставку «ибо день тот не придёт», внесённую «для ясности речи» в синодальный перевод, мы считаем излишней. Смысл исходного текста нам видится так: если мы будем следовать учению Церкви, никто нас не обольстит, но

ся человек греха» (2 Фес. 2: 1–3). Таким образом, другой зверь — это демоническая воля, завладевшая человеком и сделавшая его целиком своим орудием. Это уже не примесь в мире осуществляемых похотей, а сама гордыня сатанинская, сверху взирающая на низменно-человеческое, отбросившая все посторонние средства и утверждающая окончательную сатанинскую цель.

Мы можем увидеть и в самом Откровении, что зверь и лжепророк (другой зверь) — существа inferнальные (Откр. 16: 13, 14, 16)*, природу которых мы не собираемся ни изучать, ни описывать. Умозрительное выстраивание иерархии демонов мы считаем явно недушеполезным занятием. Но поскольку и зверь, и лжепророк стоят в одном ряду с «драконом» (сатаной), а уста всех трёх испускают нечистых духов, которые, по свидетельству Откровения, есть духи бесовские (что, как нам кажется, указывает одновременно на их природу и происхождение), то всех троих можно уверенно отнести к демоническому миру. Тем самым мы вплотную подходим к непопулярному мнению, что в Откровении не существует никакого антихриста *персонального*, то есть того самого персонажа, о котором так много говорят и пишут и прихода которого с таким трепетом ждут. Он там, конечно же, подразумевается и даже отчасти присутствует, но лишь как один из множества аналогичных *исторических* антихристов, различающихся исключительно масштабами своей разрушительной деятельности, которая всякий раз соответствует степени «отступления» (2 Фес. 2: 3) и возможности этому «отступлению» противостоять.

лишь до тех пор, пока в само учение не проникнет элемент, его разрушающий. После этого обольщение станет не просто возможным, а почти неизбежным, поскольку будет формально санкционировано авторитетом Церкви.

* Из того же Откровения вполне очевидно, что «коллективный дух» — это не аллегория и не абстракция, а существо в прямом смысле *личное*, хотя и лишённое индивидуальной конкретности. Добавим, что таким же образом устроены и духи ангельского мира, скрепляющие людские сообщества и содействующие укреплению их в вере, вопреки бесовским козням. Таковы, нам думается, упомянутые в Откровении Ангелы Церквей (1: 20 — 3: 19). Возможно, именно такой дух-Ангел и является тем самым «удерживающим», который не даёт открыться «человеку греха» и чьими усилиями откладывается окончательное свершение «тайны беззакония» (2 Фес. 2: 3–7) — до той поры, пока он не будет «взят от среды» (2 Фес. 2: 7).

Звери и блудницы — это, конечно, не конкретные государства и цивилизации и даже не мир в его совокупности, но всего лишь злокачественные образования на всяком человеческом сообществе. Самое страшное из них — это другой зверь, воспаление внутри тела самой Церкви, и возникает оно обычно в тех случаях, когда та или иная Церковь пытается ворочать судьбами народов или даже целого мира *по явной сатанинской подсказке*, ибо Господь сказал: «...Цари господствуют над народами, и владеющие ими благодетелями называются, а вы не так...» (Лк. 22: 25, 26). Лжепророчеством утверждается земное царство, что неизбежно подменяет цель нашего служения, направляя ум и волю на угождение «миру сему», рассеивая их соломой по его закуткам, а не собирая, подобно пшенице, в житницы Церкви. Лжепророчество есть обольщение ума, но не всякое лжепророчество являет в полной мере конечную цель, ради которой оно произносится. Но всякий обольщённый ум, утверждающий ту или иную ложь, бросает свою монету в копилку «тайны беззакония», наращивая тем самым капитал грядущей конечной лжи. И именно совокупность лжепророчеств, искажающих цели и задачи религиозного рассуждения и в итоге уводящих от истины, и составляет действующую в мире «тайну беззакония», которая подготавливает грядущее «отступление».

ЧИСЛО

Прежде чем подойти к окончательным «подсчётам», попробуем задать себе ещё несколько вопросов. Для чего апостол вообще упоминает о числе, и что означает само это слово в Откровении? И почему его непременно надо «побеждать»? И как вообще можно «победить» число?

С некоторыми числами у людей сложились довольно непростые отношения — так, всем известны суеверия, связанные с числом «13». Сколько народу его «побеждает» самыми изощрёнными способами! В автобус тринадцатый — не садятся, сдачу в тринадцать копеек — не берут, тринадцатые этажи в зданиях — исключают, тринадцатого числа стараются ни с кем не разговаривать, квартиры обменивают... в общем, «борьба» идёт нешуточная. Думается, что борьбу с числом зверя большинство людей представляет себе примерно так же — как с неким *номером*, которого надо всячески избегать. Хорошо ещё, что число — редкое. И хорошо, например, что в году всего 365 дней. А если бы их, скажем, было 700? Представляете, что тогда началось бы? Каждый год накануне 666-го дня население в массовом порядке готовилось бы к концу света...

Избежать подобных эксцессов можно, если осознать, что число зверя — это никакой не *номер*, а именно *число*, то есть количество, сумма, общность, предполагающая соответствие частей между собой и, в свою очередь, соответствующая всем и всех объединяющая. И призыв «сочти число» вполне может быть призывом к отысканию общего источника всего звериного. Числу соответствует и сам зверь, и его образ — жена-блудница, и в итоге — имя.

Что касается практической стороны дела, то традиционный способ подсчёта тоже вызывает у нас некоторые вопросы. Конечно, можно выбрать в десятитысячный раз и имя, и какой-нибудь

экзотический язык, на котором оно звучит особенно заковыристо, а потом начать складывать числовые значения составляющих его букв, то есть их порядковые номера в алфавите. Этот способ называется «гематрией», и, на первый взгляд, кажется, что никакого другого способа придумать уже нельзя, да и незачем, ибо результаты он даёт поистине потрясающие. Искомое число при желании рассчитывается с самых разных имён и даже с намёков на имя, причём на любом языке — по-гречески, по-еврейски и даже по-арамейски. Я думаю, что, если попробовать на эсперанто, — непременно получится. Но мы откажемся от этого проверенного способа именно потому, что он выдаёт свои результаты «при желании»... Можно выбрать любое из разночтений, подсократить его, или, наоборот, «добрать» артиклями, или при переводе на еврейский изменить падеж. Можно выбрать в Библии или в каком-нибудь апокрифе редкую форму написания, можно, в конце концов, поискать подходящий синоним... В общем, можно всё, что угодно, — до тех пор пока искомое число не будет получено.

Не удивительно, что высчитывание числа стало считаться делом несерьёзным: кажущееся всемогущество обернулось на деле полной беспомощностью. Да к тому же святые отцы, которые, как известно, знают всё, в этом случае дружно молчат, делая вид, что тайны Откровения даже для них слишком «духовны». Не берусь судить, насколько духовной почитали эту книгу отцы, но сам я думаю, что Откровение — это книга катехизаторская, то есть предназначенная для начального уровня воцерковления, для оглашения. Собственно, именно по этой причине в ней и предлагается заняться расчётами числа — чтобы понять, насколько оглашаемый понял метафизическую картину христианства в её простейшем и самом доступном художественном изложении.

Не претендуя, разумеется, на окончательное прояснение вопроса о числе, мы полагаем, что вся «арифметика», необходимая для получения результата, дана уже в разобранном рассказе о тайне жены и зверя, непосредственно после слов: «Здесь ум, имеющий мудрость» (Откр. 17: 9–13). Ну, во-первых, сами слова подсказывают, что вот тут и нужно с мудростью и рассудительностью применить тот ум, который требуется и для узнавания зверя, и для подсчёта его числа. Кроме того, это единственное место в Откровении, предоставляющее исходный материал для прямых ариф-

метических действий: «семь... и семь», «восьмой и из семи» и т. п. При этом немногие названные здесь числа уже сгруппированы так, что вполне чётко задают последовательность наших действий. Что до суммы, которая должна получиться в итоге, то всякому христианину она вообще-то известна и так, без всяких подсчётов — Евангелие определяет её как «все царства вселенной во мгновение времени» (Лк. 4: 5). Это — совокупность «мира сего», который являет своё число в любой момент времени и в любой точке пространства, в непосредственной близости от каждого человека.

Сам подсчёт в том виде, в каком я хочу предложить его читателю, большого ума не требует. Требуется он, скорее, художественного и пространственного воображения, умения представить себе такую расплывающуюся горами, царями и рогами зверюгу.

«Семь голов суть семь гор, на которых сидит жена, и семь царей, из которых пять пали, один есть, а другой ещё не пришёл, и когда придет, не долго ему быть» (Откр. 17: 9, 10). Таким образом, жена сидит на «головах» и «горах», которые и составляют зверя. С другой стороны, головы — это цари, причём, как мы видели выше, — не без конкретной исторической привязки, которая если и не прописывается прямо, то явно подразумевается. Кроме того, каждый из семи царей может трактоваться и как зверь, поскольку далее у апостола говорится о том, что «зверь, который был и которого нет, есть восьмой, и из числа семи, и пойдёт в погиль» (Откр. 17: 11).

Заметим, что ни двусмысленности, ни явного нарушения логики, придающего синодальному переводу некую дополнительную «таинственность», в исходном греческом тексте нет, поскольку слово «число» там отсутствует. Речь идёт о звере, *составленном* из семи зверей, а не *входящем в их число*. Вульгата выражается в этом месте ещё более кратко и ёмко: «...et ipsa octava est et de septem est» («...и сама по себе восьмая есть, и из семи есть»). Семь царей — тоже звери, но и сам зверь — царь, на что указывают его десять рогов, которые в семнадцатой главе названы десятью царями, а в главе тринадцатой, в другом видении того же зверя, увенчаны десятью диадемами: «и увидел выходящего из моря зверя с семью головами и десятью рогами: на рогах его было десять диадим, а на головах его имена богохульные» (Откр. 13: 1–3). Таким образом,

апостол настойчиво подчёркивает идентичность зверя как целого (восьмого зверя) и составляющих его семи царей-зверей, и эта многократно заявленная идентичность позволяет предположить, что каждый из семи царей-зверей устроен так же, как и совокупный восьмой зверь, и тоже имеет семь голов и десять рогов. Наконец, если выражение «восьмой из семи» мы читаем как «восьмой, *составленный* из семи», то напрашивается вывод, что те семь царей-зверей, из которых восьмой зверь составлен, в свою очередь, «составлены из семи» (первый, составленный из семи; второй, составленный из семи и т. д.), то есть не только *составляют* общего зверя, но и из семи зверей *состоят*.

Посчитав вначале число зверей, мы получаем $7 \times 7 = 49 + 1 = 50$. Это, если так можно выразиться, общее количество звериных «тел». Насколько далеко простирается их идентичность, судить трудно, но если строго следовать тексту Откровения, оказывается, что по крайней мере восемь из пятидесяти устроены одинаково и имеют на всех 56 голов ($7 \times 8 = 56$) и 560 рогов ($7 \times 8 \times 10 = 560$). Известно, что в списках Откровения существует три разночтения числа зверя — 616, 665 и 666. Чтобы получить первое из них, достаточно сложить число голов и рогов $560 + 56 = 616$. Прибавив к этому числу число звериных тел, но без последнего зверя, «которого нет» (или, точнее, *ещё* нет), получаем $616 + 49 = 665$. Понятно, что для получения вожденных трёх шестерок, достаточно представить, что последний зверь *уже* пришёл, то есть проявился и вполне составил.

Читатель, вероятно, уже понял, что мы предложили ему заняться подсчётами отнюдь не для того, чтобы он научился считать правильно и получил, таким образом, бесспорное превосходство над теми, кто предаётся этому занятию стихийно, без надлежащих инструкций. Мы всего лишь хотели продемонстрировать, как число зверя считали в то время, когда Откровение было только что записано. Упомянутые числа-разночтения в его исходный текст, вероятнее всего, не входили, но закономерным образом стали появляться уже в самых первых списках — как заметки первых читателей, искавших решение заданной апостолом задачи. Мы полагаем, что первоначально пророчество о начертании имени и числа зверя заканчивалось на словах: «Здесь мудрость. Кто имеет ум, тот сочти число зверя, ибо это число человеческое».

Таким образом, речь шла о том, чтобы «имеющие ум», то есть постигшие первоосновы христианского учения, смогли сначала понять, кто такой зверь, после чего, руководствуясь подсказками, оставленными апостолом, подтвердить свои догадки. Никакой бессмысленной подгонки под уже названный результат в то время, разумеется, не предполагалось — первые «человеческие числа» стали появляться на полях рукописей как уже усвоенный апостольский урок, как сданный «на отлично» экзамен.

Всё это позволяет сделать вывод, что Откровение было записано Иоанном Богословом прежде всего как книга для внутреннего пользования в малосийских общинах, как своеобразный катехизис, предназначенный для обучения новоначальных. Из его «таинственных видений» первые христиане должны были вынести главное — понимание того, что им противостоят «все царства вселенной во мгновение времени», то есть всё царство сатаны. Что оно огромно, но не бесконечно и что ему имеется предел — «число», которое можно «претерпеть» и «победить», выйдя за означенные им пределы.

ПЕРВОЕ ВОСКРЕСЕНИЕ

И видел я как бы стеклянное море, смешанное с огнём: и победившие зверя и образ его, и начертание его и число имени его, стоят на этом стеклянном море, держа гусли Божии... (Откр. 15: 2).

И увидел я престолы и сидящих на них, которым дано было судить, и души обезглавленных за свидетельство Иисуса и за слово Божие, которые не поклонились зверю, ни образу его, и не приняли начертание на чело своё и на руку свою. Они ожили и царствовали со Христом тысячу лет. Прочие же из умерших не ожили, доколе не окончится тысяча лет. Это — первое воскресение. Блажен и свят имеющий участие в воскресении первом. Над ним смерть вторая не имеет власти; но они будут священниками Бога и Христа и будут царствовать с Ним тысячу лет (Откр. 20: 4–6).

Конечно, ни зверь, ни его имя, ни тем более его число не могли быть той единственной целью, ради которой мы взяли записывать наши размышления. К этому занятию нас подвигло, как ни странно это прозвучит, стремление хотя бы отчасти реабилитировать Откровение Иоанна Богослова — ту библейскую книгу, в которой изложено вполне законченное учение о «мире сем» и о его бесславном конце и которая стараниями чрезмерно усердных толкователей превратилась в книгу совершенно закрытую, в своего рода сборник загадок, отгадывание которых требует непрерывного «духовного озарения». Откровение сделалось настолько закрытым, что в лучшем случае перестало оказывать хоть какое-то влияние на нашу жизнь, а в худшем, заняв почётное место в одном ряду с Нострадамусом, блаженной старицей Матроной и календарём индейцев майя, превратилось в источник всяких вредных суеверий, совершенно искажающих нашу реальную картину мира, не говоря уже о картине метафизической.

А между тем книга эта вполне может восприниматься как введение в христианское вероучение, ибо в ней полнее, чем в какой-либо другой книге Писания, поставлен вопрос о сущности «мира сего», который является главной преградой на пути к Богу, и о неизбежности расставания с этим миром для каждого христианина, независимо от того, в какую именно эпоху ему довелось жить. Но мы, к сожалению, совсем перестали это понимать, решив, что содержащиеся в этой книге образы относятся к некоему гипотетически-умозрительному «концу времён», но забыв при этом, что живём как раз в этом самом конце и что единственный настоящий конец, к которому мы должны быть готовы, есть наша собственная смерть.

Теперьшняя наша готовность — это, скорее, ожидание неких грядущих событий, которые должны непременно произойти, хотя совсем не обязательно при нашей жизни. Вместо сосредоточенно-испытующего взгляда внутрь себя такая готовность порождает постоянно настороженный и подозрительный взгляд наружу. Имея в голове набор самых диких и нелепых суеверий, мы постоянно ожидаем от окружающей действительности таинственных сигналов, вроде тех, которыми, по нашему мнению, переполнены страницы Апокалипсиса. А вот когда головоломки, наконец, начнут складываться, зашифрованные пророчества — исполняться, а злые враги приступят к своему чёрному делу, мы, конечно же, ни за что не дадим поставить на себе печать! Ну, а покуда её не ставят, будем держать себя в состоянии полной готовности, то есть «смазанными», «зачехлёнными», но не действующими. При этом мы даже вполне готовы вертеть головой по сторонам, выискивая и обличая врагов — НАТО, ООН, ЮНЕСКО, США, ЕС, ОБСЕ и всех прочих «масонов», вынашивающих планы всеобщего «опечатывания», и наслаждаться собственной пронизательностью и высокой духовностью, из-за которой нам все так завидуют...

Мы полагаем, что характерное сочетание пассивного ожидания с приступами нездорового возбуждения по поводу грядущих вселенских катастроф, столь распространённое в наше время, не в последнюю очередь порождено традиционно неправильным пониманием Откровения и прежде всего отношением к апокалиптическому зверю как к *историческому* антихристу, который должен прийти в заключительный момент мировой истории. Понять, что

оно ошибочно, совсем нетрудно — для этого достаточно внимательно прочитать текст и увидеть, какую путаницу такое отношение вносит в его истолкование, а заодно понять, как много в этом тексте содержится прямых указаний на действительное положение дел. Ведь учение о «мире сем» — это не единственное учение, которое изложено в Апокалипсисе. К нему впрямую примыкает учение о святости, и о нём мы непременно должны сказать хотя бы несколько слов, имея в виду, что оно лишь вершина айсберга, основанием которого является вся христианская антропология (её главные положения мы, в меру нашего разумения, попытались изложить в книге «Во едину от суббот»).

Святые в Откровении — это те, которые победили «зверя и образ его, и начертание его и число имени его» (Откр. 15: 2), были обезглавлены «за свидетельство Иисуса и за слово Божие», а потом «ожили и царствовали со Христом тысячу лет» (Откр. 20: 4). Именно о них апостол говорит: «Блажен и свят имеющий участие в воскресении первом. Над ним смерть вторая не имеет власти...» (Откр. 20: 4–6). Но что стоит за словами апостола и как их следует понимать? Мы думаем, что понимать их следует вполне буквально: победившие зверя и его начертание тем самым *уже* победили смерть, *уже* воскресли и царствуют со Христом. Апостол описывает ту реальность, которая разворачивается *сейчас*.

Мысль о том, что тысячу лет, о которой говорится в Откровении, следует относить к настоящему времени, высказывалась многими пронизательными мужами в противовес осуждённому Церковью учению о хилиазме — грядущем царстве праведных, которое утвердится на земле незадолго до окончательной победы над сатаной («Когда же окончится тысяча лет, сатана будет освобождён из темницы своей и выйдет обольщать народы... и собирать их на брань»; Откр. 20: 7). Но тогда совершенно очевидно, что и «первое воскресение» наступает в пределах этой тысячи. И что «победившие зверя и образ его, и начертание его и число имени его» — это люди, достигшие святости ещё в веке сем, а не «угадавшие антихриста» под самый занавес; иначе тысячелетнее царство в Откровении выглядело бы как раз совершенно так, как его осудила Церковь.

Если апокалиптический зверь понимается как «мир сей», ни о какой последней и окончательной победе над ним, отнесённой

в грядущие времена, не может идти и речи, ибо Христос уже сказал: «Мужайтесь: Я победил мир» (Ин. 16: 33). Главная победа уже одержана, а нам остаётся только одерживать свою победу, каждому в свой черёд, но не сметливостью, потребной для поисков несуществующего *исторического* антихриста, а тем и только тем, чем побеждается начертание зверя, — святостью. Святостью как выбором Христа и Его пути, который в конечном счёте должен к Нему привести: «Побеждающему дам сесть со Мною на престоле Моём, как и Я победил, и сел с Отцом Моим на престоле Его» (Откр. 3: 21).

Побеждать «зверя и образ его, и начертание его и число имени его» (Откр. 15: 2) — значит побеждать и «мир сей», и его соблазнительные создания, и всё общее с этим миром, что живёт в нас самих, — «похоть плоти, похоть очей и гордость житейскую» (1 Ин. 2: 16). И многие из нас свою победу уже одержали. Да, мы можем считать многих людей, и совсем не обязательно официально признанных святых, уже сейчас воскресшими и пребывающими в небесных обителях Бога своими прославленными телами.

На реальность первого воскресения, как уже свершившегося и продолжающегося свершаться события, указывает не только Откровение. Все самые известные свидетельства Писания о воскресении мёртвых содержат ту же мысль: «Ибо сие говорим вам словом Господним, *что мы, живущие, оставшиеся до пришествия Господня, не предупредим умерших*; потому что Сам Господь при возвещении, при гласе Архангела и трубе Божией, сойдёт с неба, и мёртвые во Христе воскреснут прежде; потом мы, оставшиеся в живых, вместе с ними восхищены будем на облаках в сретение Господу на воздухе, и так всегда с Господом будем» (1 Фес. 4: 15–17); «Слушающий слово Моё и верующий в Пославшего Меня имеет жизнь вечную; и на суд не приходит, но *перешёл от смерти в жизнь... наступает время, и настало уже*, когда мёртвые услышат глас Сына Божия и, услышав оживут... *наступает время, в которое* все, находящиеся в гробах, услышат глас Сына Божия; и изыдут творившие добро в воскресение жизни, а делавшие зло — в воскресение осуждения» (Ин. 5: 24–29; курсив мой. — И.Б.)*.

* Ср. также: 1 Кор. 15: 35–54.

Разбирать сейчас все эти свидетельства необходимости нет — ограничимся лишь текстом четвёртой главы Первого послания к Фессалоникийцам, где содержится всё необходимое для понимания того, что есть первое воскресение. На первый взгляд, слова «Сам Господь... сойдёт с неба, и мёртвые во Христе воскреснут прежде, потом мы оставшиеся в живых, вместе с ними восхищены будем на облаках в сретение Господу» должны читаться в том смысле, что после сошествия Господа сначала воскреснут мёртвые, а вслед за ними и живущие взойдут на небо. Однако в другом своём послании апостол Павел говорит, что и воскресение мёртвых и наше изменение произойдут одновременно — «вдруг, во мгновение ока» (1 Кор. 15: 52). Значит, процитированные слова из Послания к Фессалоникийцам нужно понимать буквально — так, что *прежде* воскреснут не все подряд мёртвые, а только мёртвые *во Христе*. Тогда получится, что мы, живущие, не предупредим умерших во Христе в их воскресении, потому что они *уже воскресли*, а мы, «вдруг изменённые», будем всего лишь восхищены вместе с ними в сретение Второго Пришествия Господня, когда Господь сойдёт с неба. Не мы, живущие, будем к тому времени первыми, кто сподобился изменения в нетление — «мёртвые во Христе воскреснут прежде», то есть прежде самого сошествия.

Последовательность событий, о которых идёт речь у апостола Павла, видится нам следующим образом: «мы, живущие, оставшиеся до пришествия Господня, не предупредим умерших; потому что мёртвые во Христе воскреснут прежде; потом мы, оставшиеся в живых, вместе с ними восхищены будем на облаках в сретение Господу на воздухе», когда «Сам Господь при возвещении, при гласе Архангела и трубе Божией, сойдёт с неба». И переставляем слова в этой фразе мы совсем не для того, чтобы перекроить смысл, а чтобы правильно расставить ударения и сделать более отчётливой её связь с другими свидетельствами Писания: «Ибо если мы веруем, что Иисус умер и воскрес, то и *умерших во Иисусе Бог приведёт с Ним*» (1 Фес. 4: 14); «Наше же жительство — *на небесах, откуда мы и ожидаем Спасителя*. Господа нашего Иисуса Христа, Который и *уничуженное тело наше преобразит* так, что оно будет сообразно славному телу Его, силою, которою Он действует и покоряет Себе всё» (Флп. 3: 20, 21; курсив мой. — И.Б.). Похоже, что «частный суд» (2 Кор. 5: 10) является для достигших

святости тем последним судом, после которого на Страшном суде они сами будут судьями, а не подсудимыми: «Разве не знаете, что святые будут судить мир?.. Разве не знаете, что мы будем судить ангелов?» (1 Кор. 6: 2, 3).

Итак, побеждающие «мир сей», не принимающие его начертания всеми своими делами, мыслями и устремлениями, могут соединиться со Спасителем ещё до Его Второго Пришествия и достичь того первого воскресения, о котором говорит Иоанн Богослов. И это первое воскресение будет для них последним и окончательным. Именно о нём устами Павла мечтают верные, именно его они ждут: «...Мы благодушествуем и желаем лучше выйти из тела и водвориться у Господа» (2 Кор. 5: 8); «Ибо для меня и жизнь — Христос, и смерть — приобретение.... Влечёт меня и то и другое: имею желание разрешиться и быть со Христом, потому что это несравненно лучше; а оставаться во плоти нужнее для вас» (Флп. 1: 21, 23, 24); «Ибо мы, находясь в этой хижине, воздыхаем под бременем; потому что не хотим совлечься, но облечься, чтобы смертное поглощено было жизнью» (2 Кор. 5: 4)...

Зверь, которого нужно победить, — это не какая-то конкретная личность, которая рано или поздно должна появиться на арене мировой истории, ибо в таком случае Откровение представляло бы собой набор бессмысленных и бессвязных образов. Да и не может такая книга быть почти наполовину написана ради обозначения «примет» одного-единственного человека, даже если душа его совершенно развращена и разрушена. Слишком уж грандиозно и устрашающе выписан «зверь», чтобы предполагать, что за ним скрывается всего лишь один несчастный помешанный. Да и какой вес имела бы победа над таким помешанным? И в чём бы она заключалась? В непользовании его купюрой или кредитной картой?

Даже самые поверхностные размышления о звере, о первом воскресении и о других образах Апокалипсиса убеждают нас в том, что практически все существующие его толкования остаются крайне неудовлетворительными. Откровение — не шпаргалка для проверки политиков и религиозных харизматиков и не головоломка, недостающие части которой нам ещё когда-нибудь покажут. Мы хотим предложить читать Откровение не как набор разрозненных и малопонятных видений, а как одно целое виде-

ние, образы которого то приближаются к нам, то отдаляются на некоторое расстояние, чтобы мы могли видеть этот мир в деталях и целостности, с неба и с земли, глазами праведников и грешников. Мы не будем толковать Апокалипсис, так как для этого у нас нет даже элементарных знаний. Мы просто укажем на то, что кажется нам очевидным и что поможет читателю самостоятельно связать все его образы.

АРМАГЕДДОН

Представим себе, что мы стоим перед огромным живописным полотном в комнате шириной в два шага. Нам хорошо видны отдельные детали изображения и даже отдельные мазки, мы видим потрескавшийся красочный слой, говорящий о древности живописи. Мы можем знать название картины, имя её автора и даже историю её создания, можем, закрыв глаза, отчётливо представить каждый её кусочек в отдельности, но только одного мы не можем — увидеть всю картину целиком. Нам мешает стена за нашей спиной, и мы ничего не сможем с этим поделать, пока не изменим условия наблюдения.

Мы не можем прочесть Откровение правильно оттого, что нашему взгляду недостаёт места, широкого угла зрения. А без них остаётся непонятной композиция, и каждый отдельный её фрагмент живёт самостоятельной жизнью, оставляя простор для самых разнообразных толкований.

Мы указали на зверя как на одну из самых заметных фигур в эпическом полотне Апокалипсиса и хотим ещё раз подчеркнуть, что Апокалипсис — это, безусловно, картина, видение, а в картине не может быть линейного сюжета, разворачивающегося в строго определённом направлении. Никакую картину невозможно описать как простую последовательность деталей, не представляя её целиком. Именно поэтому апостол и предлагает «надлежащее быть вскоре» увидеть прежде как пережитое и узнаваемое. Грядущего не может быть без прошлого, и для погружения в канву событий Агнец снимает печати, начиная делать это в том порядке, в каком они ставились, так что последняя — явление победоносного всадника на коне белом (Откр. 6: 1, 2) — становится первой.

Полотно, которое открывается после снятия всех печатей, не имеет сюжета в строгом смысле слова. И какие бы подробности

ни привлекли наше внимание, ясны они будут только при условии, если мы видим именно картину, а не набор фрагментов, снабжённых учёными комментариями. Именно поэтому мы предпочитаем дилетантский взгляд простого зрителя, не подразумевающий никаких сложных толкований, а просто выделяющий то, что «приглянулось» больше всего, не утрачивая при этом восприятия целого. Естественно, у каждого зрителя свой взгляд, и поэтому интересным полотном Апокалипсиса станет тогда, когда люди начнут делиться своими наблюдениями: ведь то, что ускользает от взгляда одного человека, восполняется взглядом другого, а все вместе эти взгляды могут явить нам полноту Откровения, недоступную для индивидуальных толкований.

Кроме того, для правильного восприятия целого важно составить представление о технике написания полотна или, точнее, об авторских приёмах живописца. Многие сюжеты в Откровении пересекаются, одни и те же персонажи неожиданно появляются в местах, довольно далеко отстоящих друг от друга, — так, словно художник сначала писал, например, Ангела с трубой в одной руке, потом приписывал ему в другую руку «чашу гнева», и только после этого оказывалось, что этот Ангел должен быть изображён сходящим с небес на землю...

Одни и те же события описываются по-разному, с разных точек зрения, и примеров такого рода в тексте Откровения немало: «Второй Ангел вострубил, и как бы большая гора, пылающая огнём, низверглась в море; и третья часть моря сделалась кровью» (Откр. 8: 8); «Второй Ангел вылил чашу свою в море: и сделалась кровь, как бы мертвеца, и всё одушевлённое умерло в море» (Откр. 16: 3). В первом случае вода в море становится кровью от того, что в него обрушивается пылающая гора, а во втором вместо горы в море опрокидывается чаша гнева. Подобные параллели очевидны для всех трубящих Ангелов и всех Ангелов, выливающих чаши, хотя в действительности параллелей в каждом эпизоде может быть гораздо больше. Труба пятого Ангела, например, низводит с неба на землю некую звезду: «Пятый Ангел вострубил, и я увидел звезду, падшую с неба на землю, и дан был ей ключ от кладязя бездны. Она отворила кладязь бездны, и вышел дым из кладязя, как дым из большой печи; и помрачилось солнце и воздух от дыма из кладязя» (Откр. 9: 1, 2). Так же мрачно на земле

становится после того, как пятая чаша гнева Божия выливается на престол зверя: «Пятый Ангел вылил чашу свою на престол зверя: и сделалось царство его мрачно, и они кусали языки свои от страдания» (Откр. 16: 10). К этому же событию рассказчик, скорее всего, обращается ещё один раз — похоже, что падшая звезда тождественна «Ангелу, сходящему с неба» накануне первого воскресения: «И увидел я Ангела, сходящего с неба, который имел ключ от бездны и большую цепь в руке своей» (Откр. 20: 1). Саранча же, вышедшая из кладезя бездны после пятой трубы (Откр. 9: 3–12) вполне может быть тождественна конному войску, явившемуся после освобождения «четырёх Ангелов» (Откр. 9: 15–17).

Таким образом, Откровение не плодит множество новых существностей в каждой новой главе, а описывает один и тот же их набор с разных сторон и в разных ракурсах. Такой подход позволяет зрителю видеть одни и те же картины происходящего в различном духовном и символическом значении. То, что трубит на небе, изливается на земле. То, что в одном случае являет многочисленность и неразборчивую прожорливость (саранча), в другом обозначает стремительность и боеготовность (конное войско), но разные стороны сущности при этом отчётливо сопоставляются между собой: «По виду своему саранча была подобна коням, приготовленным на войну...» (Откр. 9: 7; курсив мой. — И.Б.).

Помимо постоянно возникающего «стереоэффекта», в сложную структуру полотна вовлекается время, позволяя нам оказаться в череде событий пророчества, принять в них непосредственное участие. У нас на глазах снимаются печати, уводя в прошлое, и из-под последней печати, которая когда-то была поставлена первой, прошлое обращается вспять и начинает надвигаться своими образами, делая нас соучастниками происходящего, увлекая вслед за собой в грядущее. Между тем самого далёкого грядущего в Апокалипсисе совсем не так много, и всё оно помещается в последних двух главах книги. И далеко не все заметные эпизоды, несправедливо заброшенные толкователями в будущее, на самом деле этому будущему всецело принадлежат.

Один из самых характерных примеров такого рода — история двух пророков, «двух маслин и двух светильников» (Откр. 11: 4), которых традиционное толкование обычно отождествляет с Енохом и Илией. На наш дилетантский взгляд, никаких примет для

такого отождествления в тексте нет. Ничто не указывает на то, что два пророка из Откровения — это те, кто был живъём вознесён на небо. Между тем узнать их легко — достаточно беглого взгляда, чтобы понять, что речь идёт о Моисее и Илие. Откровение свидетельствует, что два пророка «имеют власть затворить небо, чтобы не шёл дождь на землю во дни пророчествования их; и имеют власть над водами, превращать их в кровь, и поражать землю всякою язвою, когда только захотят» (Откр. 11: 6), и это совершенно совпадает с тем, что говорится о них в других библейских книгах. Ведь именно Моисей и Илия прославились затворением неба и превращением воды в кровь. Не забудем также о семи казнях, которые через Моисея были посланы на египетскую землю! Остаётся лишь понять, что имеет в виду Откровение, описывая их гибель («И когда кончат они свидетельство своё, зверь, выходящий из бездны, сразится с ними, и победит их, и убьёт их»; Откр. 11: 7), хотя и это не слишком сложно. Убийство зверем Илии — это не что иное, как отказ принять свидетельство Предтечи и всех его предшественников-пророков. Соответственно, убийство Моисея — отказ от того же свидетельства, содержащегося в Пятикнижии, то есть в законе. Свидетельства о Мессии.

Три с половиной года («тысячу двести шестьдесят дней») закон и пророки свидетельствовали вместе со Христом, свидетельствовали в полном смысле слова — о каждом Его шаге, о каждом действии (ср.: Ин. 5: 45, 46). Это было духовное свидетельство, и духовным было и их убийство, причём убили их там же, где и «Господь их распят» (Откр. 11: 8; здесь правильнее читать «их», а не «наш», как в синодальном переводе). Что касается великого страха, который «напал на тех, которые смотрели на них» (Откр. 11: 11), то свидетельство это явно отсылает нас к рассказу о Преображении Господнем на Фаворе (Мф. 17: 3). Под смотрящими, скорее всего, имеются в виду присутствовавшие при Преображении апостолы Пётр, Иоанн, Иаков — ведь ни из чего не следует, что на пророков смотрели именно враги, о которых речь пойдёт только в следующем стихе.

Два пророка были, по сути, покровителями Израиля, и именно к их авторитету всё время апеллировали враги Христа. Когда же Господь оставил дом Израиля «пуст», синагога духовно опустошилась — именно потому, что перечеркнула, отвергла те

свидетельства, которыми обладала через закон и пророков. Что касается трупов и гробов, о которых идёт речь в этом эпизоде, то понимать их надо аллегорически, как и подразумевается в самом тексте: «И трупы их оставит на улице великого города, который *духовно* называется Содом и Египет, где и Господь наш распят» (Откр. 11: 8; курсив мой. — И.Б.). Город — это аллегория Иерусалима, который был «оставлен» (Египет) и «сожжён» (Содом) за свою нераскаянность.

Удерживая в голове целостную картину Откровения, мы можем постепенно, шаг за шагом открывать для себя значение и смысл отдельных его эпизодов — даже в тех случаях, когда традиционные толкования искажают их до полной неузнаваемости. Процесс этот, тем не менее, — сложный и долгий и, конечно же, вряд ли по плечу одному человеку. Решить такую задачу можно только всем вместе, и когда-нибудь, наверное, мы сможем приблизиться к её решению. Ну а сейчас нам остаётся бросить ещё только один, прощальный взгляд на текст, который так сильно занимает человеческое воображение уже почти две тысячи лет...

Одним из центральных сюжетов в композиции Откровения, несомненно, является Армагеддон — брань, на которую подняли царей земных бесовские духи «в великий день Господа Вседержителя» (Откр. 16: 13–21). Наверное, если бы Апокалипсис писал не евангелист Иоанн, а, например, Илья Глазунов, то в центре своего коллажа он непременно поместил бы проваливающиеся города, падающие небоскрёбы, грибы от ядерных взрывов или что-нибудь не менее эффектное и устрашающее. Но, слава Богу, откровение записано Иоанном, и его картина, будучи достаточно эффектной, содержит, тем не менее, вполне конкретные указания на то, какое именно событие имеется в виду: «Седьмой Ангел вылил чашу свою на воздух: и из храма небесного от престола раздался громкий голос, говорящий: совершилось!» (Откр. 16: 17). Разве мы настолько бесчувственны, чтобы не узнать этот «громкий голос»? Ну давайте попробуем вместе, напряжёмся и вспомним — ведь это совсем не сложно: «Когда же Иисус вкусил уксуса, сказал: совершилось! И, преклонив главу, предал дух» (Ин. 19: 30); «Иисус же, возгласив громко, испустил дух» (Мк. 15: 37). «И произошли молнии, громы и голоса, и сделалось великое землетрясение, какого не бывало с тех пор, как люди на земле. Такое землетрясение! Так великое!

И город великий распался на три части, и города языческие пали, и Вавилон великий воспомянут пред Богом, чтобы дать ему чашу вина ярости гнева Его» (Откр. 16: 18, 19).

Да, всё уже свершилось. Армагеддон свершился около двух тысяч лет назад на окраине Иерусалима на вершине небольшого холма по названию Голгофа, когда «предсташа царие земстии, и князи собрашася вкупе на Господа и на Христа Его» (Пс. 2: 2). Именно в этот день произошла всемирная невидимая брань Господа Иисуса Христа со всеми силами тьмы «мира сего». В этот день ад был взломан и царство сатаны было разорено.

Наверное, на этом следует закончить наше рассмотрение Откровения. Не будем же мы доказывать, что пророчество на самом деле давно уже свершилось и что Иерусалим и вправду стал «городом трех религий» («город великий распался на три части»; Откр. 16: 19). Или, вновь оглядываясь вокруг, убеждаться, что «Вавилон великий (великая)» вновь «воспомянут пред Богом» и снова обрёл свой шанс... Мы и так знаем, что мире существовал только один народ, в сердце которого жила вера в Истинного Бога, — Израиль. Этот народ, несмотря на обилие внешних врагов, смог, тем не менее, создать своё государство, где вера в Яхве поддерживалась соответствующим культом. И именно эта вера давала возможность народу Израиля противостоять находившемуся вокруг него «Вавилону».

Еврейская государственность была выкорчевана легионами Веспасиана и Тита, и с тех пор Новый Израиль вырастал уже в недрах самого Вавилона, находясь как бы над ним и с ним никак не смешиваясь. Все «христианские» империи и государства, как они себя именовали, оставались, по сути, лишь «воспомянутым Вавилоном», ибо Новый Израиль *не имел духовного права* создать свою государственность после отмирания самого главного, что оправдывало и даже делало необходимой государственность Ветхого Израиля — Закона. Мы думаем, что если когда-нибудь и будет создано теократическое христианское государство, где будет «искоренено» всё, видимо напоминающее о Вавилоне, то это будет государство антихриста и просуществует оно недолго. Впрочем окончательное выползание зверя наружу может произойти любым другим путём, и не нам угадывать — каким. Мы не гадаем на Апокалипсисе, как и не навязываем никому свой взгляд на

него. Мы всего лишь хотели показать на примере одной библейской книги, насколько невнимательно христиане относятся к Писанию, обожествляя его букву и совершенно перестав помогать смыслов. Обесмысленное Писание годится разве лишь затем, чтобы целовать его обложку, и в таком виде оно нужно только зверю, который (надо отдать ему должное) делает всё, чтобы люди утратили смысл Благой Вести и стали его безвольной игрушкой, на которой можно рисовать свои начертания.

Армагеддон свершился. Но он свершается и по сей день в душе каждого верующего человека, каждого, следующего за Христом. «Мужайтесь: Я победил мир», — сказал Господь выходящим вместе с Ним на Армагеддон, на эту последнюю для каждого из нас битву. С того времени, с момента свершения, Армагеддон — это состояние нашего сердца, которому заповедано узнавать «громкий голос» своего Спасителя, если мы хотим войти в Его покой.